

Если влюбишься - молчи!

Автор:

Светлана Лубенец

Если влюбишься - молчи!

Светлана Лубенец

Только для девчонок

Дорогие девчонки! Мне очень хочется, чтобы вы узнали себя в героинях моих книг. Они общаются с друзьями и пытаются разобраться в жизни точно так же, как вы. Так же мечтают о любви. Я верю, что вы обязательно встретите ее - любовь, такую же чистую, возвышенную и прекрасную, какую я подарила героиням своих произведений!

Светлана Лубенец

Если влюбишься - молчи!

Глава I

«Береги, Сеня, руку...»

Димки Феклистова не было в школе три дня. Его приятель, Кирилл Сергеев, объяснил классной руководительнице, Надежде Ивановне, что Димас несколько приболел, но волноваться по этому поводу совершенно ни к чему, поскольку болезнь не опасная и очень скоро Феклистов в школу явится. Когда Димка наконец появился, одноклассникам было на что посмотреть: его правый глаз жалко мигал в обрамлении огромного желтовато-коричневого синяка, а щеку

перечеркивала запекшаяся царапина. Было ясно, что Феклистов надеялся в домашних условиях извести эти знаки отличия, но дело оказалось долгим и хлопотным. На три дня эта процедура явно не потянула, и родители в четыре руки вытолкали его в школу.

– Замечательно! – всплеснула руками Надежда Ивановна. – Украшение как раз к олимпиаде! Что скажут про нашу школу в районе?

– Я могу и не ходить, – буркнул Феклистов.

– Ну, конечно! Что ты можешь еще сказать! – горячилась Надежда Ивановна. – Я вижу, вам всем наплевать на честь родной школы!

– А он, может быть, как раз ее честь и отстаивал, – предположила Оксана Величко, самая красивая девочка 9-го «А». – Наверняка опять с «плевками» драться пришлось.

«Плевками» прозывались учащиеся соседней школы со спортивным уклоном. На улице Метростроителей лицом к лицу стояли два разноэтажных здания школы. Одна, в четыре этажа, с двумя крылами, была общеобразовательной, а во второй, маленькой, двухэтажной, кроме основных предметов, преподавалось еще плавание и прыжки в воду. Поначалу ученики обычной школы называли пловцов поплавками, потом длинное неудобное слово сократилось до «плавков», а далее естественным образом трансформировалось в «плевков» и за спортсменами закрепилось.

Пловцы, или «плевки», совершенно бесплатно посещали бассейн, находящийся на соседней улице, тогда как ученики общеобразовательной школы должны были выкладывать за месячный абонемент кругленькую сумму. Кроме того, пловцы регулярно ездили целыми классами на сборы, соревнования, юниорские олимпиады и, похоже, вообще толком не учились. Общеобразовательники же корпели над учебниками и ненавидели «плевков» страшной ненавистью. «Плевки» платили им тем же, и драки между учащимися обеих школ были не редкостью, а даже, напротив, весьма распространенным явлением.

– Неужели Оксана права? – опять всплеснула руками Надежда Ивановна. – Сколько можно?! Не понимаю, почему вы так завидуете пловцам? Они же получают ущербное образование – спортивный век так короток. Вы только

подумайте, что они будут делать, когда придется навсегда вылезти из бассейна?

- Тренерами станут, - ответила Оксана.

- Кому нужно столько тренеров по плаванию? - парировала Надежда Ивановна. - В школе человек триста учится, и каждый год приходят новые и новые первоклассники...

- Будут в бассейнах у новых русских бабки сшибать, - вставил Борис Доренко и с жалостью посмотрел на классную руководительницу, которая уже четвертый год ходила в школу в одном и том же рябеньком пиджаке и того, что называется хорошими бабками, в руках явно не держала.

Надежда Ивановна задохнулась от возмущения, в третий раз всплеснула руками, но не нашла, что возразить Борису, а потому подошла к своему столу и решила наконец начать урок. От Феклистова, таким образом, разговор ушел в сторону, чему он несказанно обрадовался и тут же принялся тянуть руку на первый же математический вопрос преподавательницы любимого предмета.

На перемене Димку окружили одноклассники и наперебой стали расспрашивать, кто ему навесил такой «фингал», и предлагали плечом к плечу встать на защиту его поруганной чести и достоинства. Димка от помощи отказывался, «плевков» ни в чем не обвинял и явно ждал, чтобы одноклассники от него поскорей отвязались.

- Все ясно! - заключил Леня Пивоваров. - Споткнулся, упал, очнулся - гипс!

- Вроде того, - смущенно ответил Феклистов.

- Ну-ну! - процедил Леня. - Бывай здоров! Как говорится, «береги, Сеня, руку!».

Синяк на лице Феклистова еще не успел окончательно выцвести, как с разбитым лицом в школу пришел Гия Сохадзе. Правда, красавец-грузин, в отличие от Феклистова, догадался скрыть синяки под черными очками и потому выглядел не менее импозантно, чем всегда. Когда же Надежда Ивановна потребовала от него очки снять, то в ужасе от увиденного даже забыла о своей привычке всплескивать руками. Разноцветные синяки украшали сразу оба глаза Сохадзе.

– Гия! Кто тебя так?

Сохадзе завел черные глаза под потолок и застыл в позе вынужденного выжидания. Он собрался героически перенести все нравоучения классной руководительницы, не проронив при этом ни звука. Он абсолютно правильно рассчитал свои силы, потому что скоро выдохшаяся Надежда Ивановна махнула на него рукой и начала урок. Димка Феклистов при этом поглядывал на Гию с совершенно необъяснимым выражением.

Когда с разбитой губой и глубокой царапиной на щеке в класс явился Саша Семенов, в коридоре у окна обсудить создавшуюся ситуацию собрались три подруги.

– Я, конечно, вам расскажу, – приглушив голос почти до шепота, начала Юлька Акимушкина, худенькая беленькая девушка с ангельским личиком, являющаяся приятельницей избитого Семенова, – но ... – Она выразительно оглядела подруг. – Никому ни слова! Саша говорит, что их троих так разукрасили какие-то неизвестные ребята во всем черном.

– С чего это «неизвестные в черном» полезли именно к нашим парням? – с иронией в голосе спросила Анжела Решетилова, высокая стройная блондинка с короткой мужской стрижкой, длинными ногами и очень решительным лицом. – Что Сашка-то говорит?

– Ой, девочки, я так ничего и не поняла. Темнит что-то Сашка, про какие-то давние счета рассказывает. В общем, несет такую ерунду, что противно слушать!

– И я не понимаю, какие счета могут быть у неизвестных парней с такими разными людьми, как наши ребята, – с математиком Феклистовым, гуманитарием Сашкой и красавчиком Сохадзе – без определенных пристрастий? – удивилась Оксана Величко.

– Вот и я ничего не понимаю... – согласилась Юлька, вздохнула и принялась накручивать на палец прядку кудрявых светлых волос.

– И сколько же этих «черных» было? – спросила Анжела.

– Трое, и все в черных вязаных шапках, натянутых до подбородка, с прорезями для глаз, – объяснила Юлька. – Прямо как в кино про мафиозные разборки.

– А автоматов Калашникова или огнеметов при них случайно не было? – съязвила непонятно к чему Анжела.

Глава II

Пропавшая Дева и будущий банкир

Несмотря на то, что по просьбе Юльки Акимушкиной подруги никому не говорили о троице в масках, по классу поползли слухи, – видимо, информация поступила из других источников. Количество нападавших возросло в слухах до десяти человек. Одни считали, что ими были скинхеды (кто-то даже якобы видел свастику у них на рукавах, а у одного, ненароком снявшего шапку, – бритую голову), другие подозревали ребят из соседнего детского дома, третьи, которых было большинство, утверждали, что, кроме «плевков», ни на кого больше и думать не стоит.

– Они же ненавидят наших ребят! – горячилась Полина Яковлева. – Это же ясно, как день! Им надо унижить их, поэтому и ловят по одному!

Оксане слова Полины казались похожими на правду.

Дело в том, что все «плевки» были маленького роста, особенно те, которые занимались прыжками в воду. Как они сами говорили, такова специфика их вида спорта. Неожиданно выросшие парни и девчонки вынуждены были покидать школу плавания. Многие переходили в соседнюю, в ту, которая стояла с их школой рядом, то есть в обычную.

Поскольку между учащимися обеих школ постоянно происходили мелкие стычки и большие драки, директора одно время пытались подружить ребят и однажды даже устроили совместную дискотеку для старшеклассников. Эта дискотека оказалась большим педагогическим просчетом. На фоне двухметровых акселераторов – одиннадцатиклассников общеобразовательной школы пловцы

выглядели настоящими «плевками». Та памятная дискотека завершилась небывалым побоищем, и с тех пор никаких совместных мероприятий руководство двух школ не устраивало.

- Ксанка, - оторвала Оксану от размышлений Полина. - Ты бы поговорила с Кепой.

Денис Кепарев, по прозвищу Кепа, был «плевком» и одновременно соседом Оксаны по лестничной площадке. Оксана с Кепой с детсадовских времен находились в приятельских отношениях, которые могли бы перерасти в нечто большее, если бы не рост молодого человека. Он очень подходил для прыжков в воду, но не дотягивал до Оксаниных ста семидесяти.

Оксана согласилась поговорить с Кепой, хотя в успех переговоров не верила. Кепа был мирным, дружелюбным парнем и в драках никогда не участвовал. Может быть, он и знает, кто побил Оксаниных одноклассников, но наступать на своих, наверняка, посчитает невозможным.

На субботний вечер был назначен КВН между девятыми классами, а потом, как выражалась дремучая Надежда Ивановна, танцульки.

Три подружки договорились встретиться перед КВНом у Анжелы. Когда Оксана пришла к Решетиловой, Юлька уже прыгала там перед зеркалом в облегающем темно-синем мини-платье и, похоже, была очень довольна собой. Платье имело небольшое декольте, и Оксана сразу заметила Юльке, что на ее голую шею просится какое-нибудь украшение.

- Точно, - огорчилась и как-то сразу сникла Юлька. - Но... не бежать же домой... Анжел! Дай мне свой кулончик... ну... тот, с Девой. Ты его все равно не надела.

- Ты же Козерог, а не Дева, - улыбнулась Оксана.

- Какая разница? Это всего лишь украшение, надо же шею закрыть, сама сказала... Анжелка, ну дай! Не жмись!

- У меня его нет, - наконец отозвалась Анжела.

– Ясно, – заключила Юлька. – Жаба душит!

– Какая жаба! Я его... потеряла.

– Да ну? – в один голос воскликнули Юлька с Оксаной. – Когда? Как?

– Если б знала, когда, как и где потеряла, то, может быть, давно уже нашла.

– Наверно, замочек расстегнулся, – предположила Юлька. – Они такие ненадежные, все время надо следить. От родителей здорово попало?

– А ты как думаешь! – Анжела покусала пухлые розовые губы, потом вскинула глаза на подруг и резко бросила им: – И больше говорить об этом не хочу. А тебе, Юлька, вполне подойдет вот это. Гляди, – и она достала из шкатулки короткую толстую цепь из перевитых между собой серебристых и голубоватых звеньев.

– Как раз к платью! – восхитилась Юлька, звонко чмокнула Анжелу в щеку, и потерянная Дева была тут же забыта.

КВН выиграл 9-й «Б». Все остальные девятые горевали по этому поводу недолго, потому что в зале погасили верхний свет, засветились гирлянды светомузыки, и началась дискотека.

На первый же медленный танец Оксану пригласил Борис Доренко. Он уже довольно давно оказывал ей всяческие знаки внимания, но впечатления они на девушку не производили никакого. Доренко ей не нравился. Слишком уж он был правильный, причесанный, отглаженный – как с журнальной картинки. Борис собирался после девятого класса поступать в какой-то навороченный коммерческий колледж с изучением банковского дела и весь был в учебе и общественных делах. Для поступления ему, кроме отличного аттестата, еще нужна была какая-то особенная характеристика, и Боря старался всюю: был старостой 9-го «А», заседал в школьном совете и возглавлял какое-то невыносимо научное общество. Оксане Борина деятельность казалась вымученной и непроходимо скучной.

– У меня на завтра есть два билета на «Гостей из будущего». В концертном комплексе выступают. А в первом отделении известная группа из Политеха

«Сталкеры». Не хочешь пойти? – Доренко приглашал небрежно, чтобы не было слишком обидно, если услышит отказ. Он знал, что Оксана от него не в восторге, и заранее подстраховывался.

– Спасибо, Боря, – вежливо поблагодарила его Оксана. – Я завтра не могу. У меня... важное дело...

– Ясно, – усмехнулся Доренко. – Как говорится, было бы предложено.

Танец кончился. Борис проводил девушку до места, где ее поджидали подруги, и с достоинством удалился.

– Ну как? – спросила Юлька.

– Что «как»? – передразнила ее интонацию Оксана.

– Ну... Доренко?

– Будто не знаешь! – фыркнула Оксана. – Все так же. Между прочим, на «Гостей из будущего» приглашал и на «Сталкеров».

– На «Сталкеров»... И ты отказалась?

– Естественно!

– Глупая какая! Да на «Сталкеров» еще труднее достать билеты, чем на «Гостей...»! Там один солист Гарик чего стоит... Голубоглазый такой, на скандинава похож. Все девчонки Питера в него влюблены.

– Неужели ты тоже? – поддела ее Оксана.

– Я, между прочим, ничем не хуже других, но... – Юлька подняла вверх указательный палец, – но он мне нравится только теоретически, потому что практически, как ты знаешь, мне нужен только Сашка.

– А мне, Юленька, не нужен ни Доренко, ни ваш Гарик, – рассмеялась Оксана.

– Не понимаю, – Юлька закатила вверх свои ясные голубые глаза и молитвенно сложила на груди ручки с тоненькими пальчиками, – чем тебе не нравится Борюсик? И высокий, и красивый, и умный, и банкиром будет, помяни мое слово! Вот, клянусь, если бы не Сашка и не Гарик из «Сталкеров», я бы... Ну скажи ей, Анжелка!

– Обойдется и без Доренко, не умрет, – бросила им Решетилова.

Юлька рассердилась:

– Это ты из зависти! Тебе самой Борька нравится, а он на Оксану смотрит, вот ты и злишься.

– Больно надо!

– Да все знают, что именно тебе и надо... Ой, смотрите, опять «плевки» просочились! – Юлька забыла про Доренко и показала рукой на стайку пловцов в другом конце зала.

Все «плевки» были одеты в одинаковые черные куртки до пояса. Поскольку они прошли на дискотеку нелегальным, одним им известным путем, то сдать одежду в гардероб, конечно, не смогли.

– Юль, – обратилась к Акимушкиной Оксана, – а Сашка не рассказывал, в каких куртках были те, которые ему «фейс» испортили? У «плевков» они особенные: на заказ шьет какая-то фабрика спортивной одежды.

– И что в них особенного?

– У Кепы на нагрудном кармане, под «молнией», блестящим шелком вышиты три волнистые дорожки. Ну... вроде как вода... А на рукаве тем же шелком – пиктограмма, изображающая пловца с поднятой над головой рукой.

– Сашка ничего такого не говорил, – ответила Юлька. – Но, знаешь, Ксана, в темноте черное на черном можно и не заметить.

Через несколько минут девчонки напрочь забыли о «плевках» с их пиктограммами, потому что были нарасхват: их приглашали танцевать и свои ребята, и одиннадцатиклассники, а с Оксаной умудрился потанцевать даже неизвестно откуда вывернувшийся Кепа.

Глава III

Чужая сумка и «шерстяной» голос

В понедельник с синевой под глазом в школу пришел Илья Веретенников.

– Ну вот! – торжественно заявила подругам Юлька. – В субботу на дискотеку притащились «плевки», а сегодня Илюха – с та-а-ким фингалом! Не понимаю, почему парни не соберутся все вместе и не взгреют этих негодяев?

– А кому собираться-то? – как-то не по-доброму улыбнулась Анжела. – Твоему Сашке-интеллекту да математику Феклистову?

– Мне кажется, Илья с Сохадзе вполне бы могли...

– Кишка у них тонка, – вдруг зло процедила Анжела.

Оксана с удивлением посмотрела на подругу, которая несколько нервно постукивала по парте пальцами, но ничего не сказала. Все знали, что Анжела Решетилова – человек настроения, и иногда ее лучше не трогать. Когда она бывала не в духе, ей боялась возражать даже Надежда Ивановна.

Оксана решила, что ее «кишка», в отличие от той, какая была у Веретенникова и у Сохадзе, абсолютно не тонка и потому пора начать действовать. Вечером она непременно поговорит с Кепой, и, может быть, уже сегодня что-нибудь выяснится.

Вечером выяснился только тот факт, что Кепа уехал на очередные сборы, а потому разговор с ним опять был отложен на неопределенное время.

А в 9-м «А» между тем события продолжали развиваться дальше. Одноклассников начало будоражить странное поведение Олега Сухорукова. Олег был бессменным отличником с первого класса. В 9-м «А» учившихся на «отлично» было трое: Оксана Величко, Борис Доренко и Олег Сухоруков. Но если Оксана с Борисом последнее время начали слегка сдавать позиции и иногда схватывали четверки, то Олег продолжал по всем предметам получать только «отлично». И вдруг самый «прожженный» отличник Сухоруков перестал готовить домашние задания, прогуливал школу и отказывался отвечать на уроках. Надежда Ивановна по несколько раз на дню проводила с ним воспитательные беседы, таскала к завучу и директору, вызывала родителей, но все предпринятые ею меры успеха не имели. Наконец, отчаявшись, она назначила классное собрание, на котором просила старосту Доренко вызвать Сухорукова на откровенный разговор, чтобы как-то переломить создавшуюся ситуацию.

На собрании Доренко долго произносил длинные витиеватые фразы о долге учащегося перед государством, предоставившим возможность получения бесплатного образования, перед родителями, которых Сухоруков не сможет прокормить, когда они состарятся, потому что он, не имея хорошего образования, не сможет получить прилично оплачиваемой работы, и так далее. Надежда Ивановна ерзала на стуле за последней партой, куда специально села, решив предоставить детям полную самостоятельность. Она хотела, чтобы они просто поговорили по душам, а староста зачем-то начал стыдить и отчитывать Олега, да еще такими казенными фразами, от которых сводило скулы даже у Надежды Ивановны. Учительница сорвалась с места, чтобы прервать неуместное красноречие Доренко, но было уже поздно: Олег, опередив ее, бросил Борису: «Заткнись!» – и быстро вышел из класса.

Оксана шла с собрания и думала об Олеге. Что с ним случилось? Не иначе как несчастная любовь. Хотя вот у нее, у Оксаны, можно сказать, тоже несчастная любовь, но она же ничего, учится, как всегда. Таким образом, мысли Оксаны плавно перетекли с Сухорукова на Леню Пивоварова, который ей, в отличие от Доренко, очень нравился. Во-первых, внешне: он был сероглазым брюнетом, не слишком высоким, но пропорционально сложенным и сильным. Во-вторых, ей импонировали его спокойная выдержанность и чувство собственного достоинства, сквозившее во всех его поступках. Ей казалось, что даже «плевки» не вяжутся к нему, как к остальным, вовсе не потому, что он занимается борьбой, а именно из уважения, которое он умеет всем внушать. А еще она немножко лукавила с собой на предмет своей несчастью. На самом деле ей казалось, что она тоже нравится Пивоварову. Его взгляд иногда останавливался

на ней, и тогда Леня неизменно улыбался одними уголками губ, незаметно для других, но очень явно для Оксаны. Она каждый день ждала, что он подойдет к ней, пригласит в кино, или проводит до дома, или пригласит на танец на дискотеке, но ничего такого до сих пор так и не случилось. Навязываться самой Оксане не хотелось. Она подождет еще: все-таки его улыбки что-нибудь да значат.

Оксана пнула острым носком нового модного сапожка попавшийся под ноги камешек и вошла в подъезд. В почтовом ящике что-то белело. Это «что-то» оказалось письмом в большом нестандартном конверте с лаконичной надписью «Оксане Величко». Тут же, у окна подъезда, Оксана вскрыла конверт и вынула из него две фотографии, явно сделанные с сильным увеличением. На них была изображена она, Оксана, – наклонившись над столом, она, очевидно, что-то искала в сумке. Ее фигура занимала почти весь кадр, поэтому трудно было понять, где она находится.

Оксана оглядела свой наряд на фотографиях: точь-в-точь такой, как сегодня: серо-голубые джинсы с разводами и золотистый джемперок из ангоры с воротником-хомутиком. И прическа такая же: плетеная колоском толстая коса, извивающаяся по спине. А вот сумка не ее. У нее такой нет. Юлькина, что ли? Нет, у Юльки из заменителя под крокодиловую кожу, а эта гладкая, черная, с боковым карманчиком, из которого торчит какая-то тряпка... Нет, не тряпка... Это шарфик в желто-зеленую клетку. Не может быть...

Оксана почувствовала, как у нее вспотели ладони, а к горлу подкатил противный комок. Сумка – их биологички, Эммы Петровны, и ее любимый шарфик... И находится Оксана именно в кабинете биологии. Вот же: виден кусок шторы отвратительного розового цвета. Но почему Оксана роется в Эмминой сумке? Она никогда этого не делала! Или... Вспомнив, девушка немного успокоилась. Она вовсе не рылась в сумке биологички, нет! Она засовывала туда свой двойной листок с контрольной работой. Это, конечно, тоже не очень-то красиво, но все же не так отвратительно, как копание в чужих вещах.

В тот день Оксана не успела дописать ответ на последний вопрос контрольной работы. Впрочем, она не написала бы его, даже если бы времени хватило. Честно говоря, она просто не знала ответа на последний вопрос. И она не сдала свою «контрошку» вместе со всеми, а прихватила листок на перемену. Закрывшись в кабинке туалета, Оксана списала ответ с учебника, в тот момент не очень-то задумываясь над тем, каким образом засунет свой листок в общую

пачку.

Ей позарез нужно было получить за «контрошку» по биологии «пять», потому что в журнале против ее фамилии стояли уже целых четыре четверки, которые могли помешать ей закончить триместр на «отлично». Допустить этого Оксана не могла. С первого класса она, как и Олежка Сухоруков, училась на одни пятерки. Поначалу это было легко и не стоило ей никакого труда, но к восьмому классу она уже начала сбиваться на четверки. В этом году, учась в девятом, Оксана все время балансировала на грани между «четырьмя» и «пятью», что выводило ее из себя. Ей не хотелось ронять марку, она с остервенением зубрила все предметы, но проколы все равно случались. Биология особенно досаждала ей, потому что была не столько трудна, сколько абсолютно неинтересна и даже противна. Они сейчас занимались анатомией человека, и Оксану тошнило от вида вскрытой черепной коробки и системы пищеварения со свернутыми в отвратительный клубок кишками. Она никогда не смогла бы стать врачом или учителем биологии.

В тот день после уроков она подошла к Эмминому кабинету, совершенно не представляя, что делать дальше, но ей вдруг неожиданно повезло. Биологичка выскочила из кабинета, увидела Оксану и попросила покараулить вверенное ей помещение, поскольку ее срочно вызвали к телефону, а ключ она, как на грех, не может найти. Оксана, сочувственно покивав головой, зашла в кабинет и аккуратно засунула свой листок в сумку биологички. Вот и все! Больше ничего дурного она не делала! Она даже не помнит, что там, в сумке, лежало рядом с контрольными. Так что ничего особенно ужасного в ее поступке нет. И чего она вдруг так испугалась, увидев сейчас фотографию?

Оксана облегченно вздохнула, но улыбка, которая уже слегка тронула ее губы, застыла кривой гримасой, а противный ком заполнил все горло, мешая дышать. Она вспомнила, что случилось на следующий день.

На следующий день Эмма, чуть не плача, объявила 9-му «А», что вчера в школе у нее пропал кошелек с зарплатой. Еще она сказала, что никакой класс конкретно не подозревает, но на всякий случай всех своих учеников просит пожалеть ее и вернуть хотя бы часть денег, иначе до другой зарплаты ей не дотянуть.

– А может быть, у вас не в школе, а в магазине или в автобусе кошелек стянули? – предположила Анжела.

– Нет, дорогие мои, – печально ответила Эмма. – Я получила зарплату после третьего урока, а после шестого решила отдать долг. Кошелек в сумке уже не было.

– Я не брала! – вскочила тогда со своего места Оксана. – И никто в класс не входил, пока я вас ждала. Вы мне верите?

– О чем ты говоришь, Ксана! – отмахнулась от нее Эмма. – У меня и в мыслях не было подозревать тебя!

И вот теперь на этой фотографии четко видно, как она, Оксана Величко, запустила руку в сумку биологички. Ее сфотографировали, видимо, в тот момент, когда она уже запихнула лист с контрольной и вытаскивала руку обратно из сумки. Кто же это сделал? Зачем? С какой целью прислал ей фотографии? Неужели такие же послали еще и Эмме?

Кровь отлила от Оксаниного лица, и у нее слегка закружилась голова. Разве можно теперь доказать, что она не брала кошелек биологички? Даже если она начнет рассказывать про листок с контрольной работой, кто ей поверит? Кто поверит, что она, отличница, просто недоучила ненавистную биологию и пыталась обмануть учительницу? Какой кошмар! Что делать? Неспроста ведь ей прислали эти снимки... Что от нее хотят? Кто?

Оксана вызвала лифт, а когда он приехал, долго стояла перед открывшимися дверями, задумавшись. И они закрылись, и лифт не уехал на другой этаж. Девушка повернула к лестнице и, еле переступая ногами, с трудом добралась до своего пятого этажа. Дома она плюхнулась на пуфик в прихожей и вздрогнула, невзначай увидев в зеркале свою зеленую физиономию. Нечего тут сидеть! Надо срочно что-то делать, куда-то бежать, кому-то доказывать, что она не воровка! Может, к Эмме? Нет... Та ни за что не поверит в рассказ про контрольную работу. Но что же ей тогда делать?

Остаться с собой наедине Оксана не могла. Она, рывком поднявшись с пуфика, решила бежать к Юльке. Все-таки она ее лучшая подруга, гораздо ближе Анжелы. Вместе они наверняка что-нибудь придумают.

– Ксана, это же шантаж! – выслушав подругу, с ходу заявила Юлька.

- Шантаж? – для чего-то переспросила Оксана, хотя понимала, что все именно так и есть. – Но что с меня взять?

- Шантажисты – они такие, они знают, с кого чего взять!

- За что? Что я такого сделала?

- Не знаю, но, видно, кому-то ты все же перешла дорогу. Вспоминай, кому ты напакостила?

- Что ты несешь, Юлька? Еще подругой называешься! Какие я кому на твоей памяти делала пакости?

- Не обязательно специально. Может быть, ненароком, нечаянно?

- Чушь! – не хотела ничего понимать Оксана. – Как это нечаянно?

- Ну... например... отбила парня...

- Отбивают не нечаянно, а целенаправленно. Но ни так, ни эдак я никого ни у кого не отбивала, и ты это знаешь не хуже меня.

- Да я так сказала... к примеру... – вздохнула Юлька. – Хотя... вот Анжелка, мне кажется, могла бы с тобой поquitаться за Борьку Доренко.

- Да ты что? – взвилась Оксана. – Мы же с пятого класса дружим!

- Дружба дружбой, а любовь вполне может быть врозь!

- С чего ты взяла, что у нее с Борькой любовь?

- Со стороны Доренко, конечно, никакой любви нет, это ясно, а вот сама Анжелка по нему сохнет уже года два. Будто ты не знаешь!

- Она в курсе того, что мне Доренко абсолютно не интересен.

- Ну и что же? Он же с тебя глаз не сводит, вот она и решила на всякий случай тебя обезвредить.

- Нет! - решительно отвергла Юлькины предположения Оксана. - Не верю! Она наша с тобой подруга и на такую подлость не способна.

- Честно говоря, - улыбнулась Акимушкина, - я и сама не верю. Это я просто... в качестве версии... А может, это такая шутка, Ксанка?

- Чушь! - опять выкрикнула Оксана. - От таких шуток можно получить сердечный приступ!

- Я могу тебе валерьянки дать, - вскочив с дивана, живо отреагировала Юлька, - или корвалолу. Очень помогает!

- Юля! - укоризненно проговорила Оксана. - Сядь! Каким образом валерьянка может помочь против фотографий?

- Знаешь, Ксана, порви ты их и забудь! - посоветовала Юлька.

- И что? У того, кто их прислал, наверняка еще есть. И вообще, он, может быть, уже послал второй экземпляр Эмме!

- А вот тут ты не права, - решительно возразила Акимушкина.

- Почему ты так уверена?

- Потому что в этом нет смысла!

- Как?

- А так! Шантажисту нужно что-нибудь с шантажируемого получить. Если он пошлет фотки Эмме, вы станете разбираться между собой, а он сбоку окажется. Скажи, какая ему тогда будет польза?

– Может быть, выгода для него как раз в том и состоит, чтобы опозорить меня и поглубже во всей этой дряни зарыть.

– Н-не знаю... – нерешительно произнесла Юлька. – Для этого ты все-таки должна была кому-то крепко насолить.

Домой от подруги Оксана шла, напряженно оглядываясь по сторонам. Ей казалось, что вот-вот из-за какого-нибудь угла выскочит шантажист. Он представлялся ей одетым в черную куртку и вязаную шапку до подбородка с прорезями для глаз. В таком прикиде, кажется, были те уроды, что били Сашку Семенова и других ребят. Оксана тут же одергивала себя, убеждая, что днем при всем честном народе никто не станет бегать в дурацкой маске, но тревога никак не оставляла ее. Даже в собственный подъезд она смогла войти только вместе с соседкой, возвращающейся с огромными сумками из магазина.

Пока девушка возилась с замком, в квартире надрывался телефон. Захлопнув дверь и скинув туфли, Оксана подбежала к аппарату. Она рассчитывала, что звонит Юлька, которая наверняка придумала какой-нибудь замечательный выход из ситуации.

– Получила? – прозвучал в трубке странный, какой-то «шерстяной» голос. Оксане показалось, что говоривший специально заглушал его, прикладывая ко рту толстую тряпку.

От страха Оксана не смогла ничего ответить. Она приросла к полу и была не в силах не только говорить, но даже и двигаться.

– Значит, получила, – удовлетворенно хмыкнула трубка. – Понравилось?

– Зачем это? – с трудом просипела Оксана.

– Скоро узнаешь.

Вслед за этими словами послышался неестественный смех, а потом раздались короткие гудки зуммера, иглами впивавшиеся в мозг девушки.

Впервые за всю свою школьную жизнь Оксана не приготовила домашнее задание ни по одному предмету. Весь вечер она просидела, уставившись в учебник по истории, не прочитав при этом ни слова. Перед ее глазами стояла фотография, на которой она, Оксана Величко, словно заправская воровка, смело лезла в чужую сумку. А за кадром этого видения слышался противный «шерстяной» голос, беспрерывно повторяющий: «Понравилось? Понравилось? Понравилось?»

Глава IV

Бриллианты к Восьмому марта и черные маски на каждый день

Бежали дни. Когда история с присланными фотографиями и гадким голосом в телефонной трубке уже начала казаться Оксане не чем иным, как идиотским розыгрышем, когда она перестала шарахаться от каждого человека в черной куртке и даже снова начала выходить на улицу вечерами, случилось то, чего она уже почти перестала сиюминутно ожидать. Однажды вечером, часов в девять, Оксана возвращалась домой от Юльки, с которой вместе готовилась к зачету по химии. На детской площадке, у беседки, куда почти не доходил жидкий свет старого фонаря, ей преградили дорогу трое... в черных куртках и вязаных шапках с прорезями для глаз. У Оксаны мелко-мелко задрожали колени и мгновенно пересохло во рту. Один из преградивших путь втолкнул ее в вонючую загаженную беседку. Оксана от страха уже почти не держалась на ногах и сразу шлепнулась в своем светлом бежевом пальто на грязную скамейку.

- Что вам надо? - прошептала она.

- Мы всего лишь хотим тебе кое-что продать, - тем же «шерстяным» голосом сказал втолкнувший ее в беседку. Теперь Оксана видела, что он кутает низ лица в толстый темный шарф.

- Продать? - Оксану била крупная дрожь. - Что?

- Фотографии одной воровки.

– Я не воровка, – жалко просипела Оксана.

– Этого тебе уже не доказать!

– Но что вам надо? – Оксанины глаза были полны слез, которые она с трудом сдерживала.

– Я же сказал, хотим, чтобы ты купила у нас свое изображение.

– У меня нет денег...

– Возможно. Зато у тебя есть ювелирные изделия с бриллиантами.

Оксана задохнулась от ужаса. У нее, действительно, были сережки и колечко с маленькими блестящими бриллиантиками. На прошлое Восьмое марта отец подарил Оксане с мамой на двоих комплект, состоящий из перстенька, сережек и цепочки с крохотной подвеской. Мама взяла себе кулончик, а Оксане достались серьги и тоненькое изящное колечко.

– А если я не стану покупать фотографии? – звенящим голосом спросила Оксана.

– Если завтра в это же время ты не принесешь сюда свое золото, то на следующий день вся школа будет увешана твоими фотографиями, увеличенными еще в два раза.

Оксана еле сдержала готовый вырваться крик, а троица в черных куртках вышла из беседки и, не торопясь, отправилась в глубь двора. На ходу они стянули с себя шапки с прорезями. Оксана дорого дала бы за то, чтобы узнать, чьи лица скрывались под ними.

Следующий день прошел для Оксаны Величко как в дурмане. Сказавшись больной, она ушла со второго урока домой. Дома, до прихода родителей, ничком пролежала на своей тахте в полуобморочном состоянии. Когда вернулись с работы отец с мамой, Оксане пришлось довольно долго изображать напряженную подготовку к урокам. В 20.50, зажав в кармане футляр с отцовым подарком, она крикнула маме, что сбегает минут на двадцать к Юльке, чтобы отдать тетрадь по физике. Передача украшений произошла быстро, без слов, и

Оксана вернулась домой даже раньше, чем обещала родителям.

Постепенно Оксана съехала с пятерок на абсолютные четверки, а потом стали проскакивать и троечки. Классная руководительница вела с ней воспитательные беседы, как раньше с Сухоруковым, но все мысли бывшей круглой отличницы были заняты только одной думой: что произойдет, когда родители хватятся украшений. Когда Надежда Ивановна пообещала вызвать в школу Оксаниных родителей для решения вопроса с успеваемостью дочери, девушка очнулась. Нет! Никаких родителей! Она сошла с ума! Ей ведь придется оправдываться, а как? Оксана налегла на учебу и выправила положение. Победу над Оксаниными тройками и четверками Надежда Ивановна отнесла исключительно на счет своего умения правильно и вовремя работать с учениками. Правда Олег Сухоруков по-прежнему учился плохо и прогуливал уроки, но Надежда Ивановна считала, что и там не все еще потеряно и победа все-таки не за горами.

Оксана теперь все чаще и чаще думала о Сухорукове. Может быть, с ним приключилась такая же история, как с ней? Оксане очень хотелось поговорить с Олегом, но она понимала, что в таком случае придется рассказывать подробности своего отвратительного положения, а это не вызывало энтузиазма у нее. Кроме того, если Олег вляпался в подобную же мерзость, он тоже вряд ли захочет рассказывать об этом.

Глава V

Фуршет хозтоварной принцессы и ключи от папиной «Волги»

Однажды, субботним вечером, мама объявила Оксане, что на завтра они всей семьей приглашены к Маркеловым на день рождения тети Нины.

– Зачем мне туда идти? – тут же заныла Оксана. – Тетя Нина – твоя подруга. Мне там будет скучно!

– А Иришка?

Иришкой звали дочку Маркеловых. Она была ровесницей Оксаны и тоже училась в девятом классе. Но сколько мама с тетей Ниной ни пытались подружить дочерей, у них ничего не получалось. Оксана и раньше, в детстве, не находила общего языка с капризной и вздорной Иришкой, а теперь и вовсе терпеть ее не могла.

Дядя Коля, Николай Петрович Маркелов, был так называемым новым русским. Поначалу он торговал на местном рынке стиральным порошком и шампунями. Постепенно дела его пошли в гору. Он нанял продавщицу, а сам стал заниматься только доставкой товара. Потом продавщиц стало две, потом шесть – в палатках в разных районах города. Года два назад дядя Коля открыл собственный магазин хозтоваров, который назвал именем дочери. Иришка, почувствовав себя кем-то вроде инфанты или цесаревны, обвешалась золотом с платиной, оделась у знаменитого на весь город портного по имени Вадик и с тех пор стала смотреть на Оксану, как на голь перекатную. Оксаниных родителей она воспринимала в качестве жалких попрошаек, разевающих рот на их сладкий маркеловский каравай. Оксана не могла об этом рассказать маме с отцом, и те по-прежнему называли дочь друзей Иришкой и дарили ей на день рождения подарки, невыносимо убогие, с точки зрения хозтоварной принцессы. Оксана соглашалась ходить в гости к Маркеловым только из-за дяди Коли. Возросший материальный достаток на его манеры, в отличие от дочери, никак не повлиял. Он оставался таким же добряком и весельчаком, и искренне любил Оксану, которую знал с рождения.

– Тетя Нина задумала какой-то прием по западному образцу, – весело щебетала мама. – Они же теперь бизнесмены – хозяева жизни! Представь: у них будут два стола. Один для взрослых, а другой – для молодежи. Какой-то там фуршет... Тебя очень приглашали. Говорили – не пожалеешь!

Оксана фыркнула, дернула плечом и ушла в свою комнату. Она поняла, что тащиться на Иришкин фуршет ей все равно придется.

– Ксанка, ты готова? – в 17.30 спросила мама, заглядывая в комнату дочери.

Она была одета в узкое черное платье, очень простое и стильное одновременно. Оксана с удовольствием отметила, что и на этот раз мама наверняка будет выглядеть в сто раз элегантнее, чем тетя Нина, которая в праздник всегда напоминает новогоднюю елку по количеству разномастных, часто взаимоисключающих друг друга ювелирных изделий. Мамино платье украшала

только тонкая золотая цепочка с подвеской, переливающейся тремя маленькими бриллиантами, – папин подарок к Восьмому марта.

– Я смотрю, ты не надела наши сережки. Это хорошо! – мама чмокнула дочку в нос.

– Почему? – осторожно спросила Оксана, предчувствуя недоброе.

– Потому что сегодня именно я буду при полном боевом комплекте. Я похудела, так что, может быть, даже колечко налезет. Дай-ка его сюда! И сережки тоже.

У Оксаны предательски задрожали руки. Она спрятала их за спину и слегка осипшим голосом сказала маме:

– Их нет... – и быстро добавила: – Временно... Скоро я возьму их назад и...

– Где они? – перебила ее мама. – Неужели ты кому-то отдала?

Мама, сама того не подозревая, подсказала дочери выход из ситуации.

– Да... Юльке... Только на один вечер! У нее сегодня... свидание... Мы же не знали, что и ты их сегодня захочешь надеть...

– Оксана! Что за странный поступок? Это же папин подарок! При чем тут Юлька? – мама бросила взгляд на часы и раздраженно закончила: – Я бы послала тебя к ней немедленно, но у нас уже совершенно не остается времени.

Сердитая мама довольно громко хлопнула дверью комнаты, а Оксана перевела дух. Она все-таки получила отсрочку. Мизерную, ничтожную, но все же отсрочку. Она посмотрела на себя в зеркало. Лицо было зеленоватого оттенка. Мама наверняка отнесла появление данного колера на щеках дочери на счет своего строгого тона. На самом же деле... Оксана решила не додумывать эту ужасную мысль до конца. Она закрутила свои тяжелые густые волосы в узел на затылке, слегка тронула губы перламутровым блеском и вышла в коридор к ожидающим ее родителям.

– Почему ты не надела новый бордовый костюм с розовой блузкой? – все так же сердито спросила мама. – Куда его еще носить, если не на такие приемы!

Оксана виновато одернула свой любимый желтоватый джемперок из ангорской пряжи, а папа, приобняв ее за плечи, весело пропел:

– Во всех ты, душечка, нарядах хороша! – и потащил своих женщин к выходу.

В просторной четырехкомнатной квартире Маркеловых было много народу. Некоторых Оксана знала, потому что они дружили и с ее родителями тоже, других видела впервые. Эти другие почему-то сразу не понравились девушке и рассердили ее, будто именно они были виноваты в ее неприятностях.

– Ируська! – по своей привычке совершенно оглушительно гаркнул дядя Коля. – Ксана пришла! Забирай!

Из дальней комнаты выплыла Ирина, натуральным образом разряженная в пух и перья. По вороту и рукавам ее узенькой ярко-малиновой кофточки трепыхались нежные перышки. Концы витого пояска, несколько раз обернутого вокруг талии, украшали перья покрупнее. Пол подметали широченные шелковые снежно-белые брюки с серебристой искрой.

– Пойдем, – как всегда, недоброжелательно и свысока пригласила она за собой Оксану.

В Ириной комнате у большого французского окна, сделанного по специальному заказу дяди Коли, стояли две необычные многоэтажные стойки. На этажах одной из них на ярких подносиках расположились необыкновенной красоты бутерброды, салаты в аппетитных корзиночках из теста, всевозможные деликатесные нарезки, экзотические овощи, фрукты, пирожные и конфеты. Этажи другой стойки были уставлены высокими стаканами, фужерами, креманками, наполненными разноцветными напитками, муссами, желе и уже слегка подтаявшим мороженым.

Ирина церемонно представила Оксану своим гостям: двум девушкам и трем молодым людям. Когда один из парней повернул к ним лицо от стойки с бутербродами, Оксана вздрогнула. Ей улыбался, что-то жуя при этом, Леня Пивоваров.

– Привет! Бутербродик хочешь? Там, – он показал рукой на стойку, – этого добра видимо-невидимо! И главное, не сразу и разберешь, что за продукт: все чем-то посыпано, украшено, намазано... Вот гляди, – он показал ей тонкий кусочек белого хлеба с непонятным коричневатым в пеструю крапинку покрытием, – я думал, это мясо, а оказалась рыба, представляешь!

– Ну, хоть вкусно? – решила поддержать разговор Оксана, а сердце ее при этом быстро-быстро билось в груди. Здорово, что она все-таки согласилась прийти на этот дурацкий прием! Оксана, глядя на улыбающееся лицо Лени, забыла на время все свои беды.

– То, что я сейчас откусил, даже очень вкусно, хотя вообще-то я рыбу ненавижу. Знаешь, по-моему, – он подмигнул Оксане, – там есть еще лучше! Давай попробуем!

И они, смеясь и больше не обращая ни на кого внимания, ели бутерброды, пили коктейли, потом танцевали, потом снова поглощали в несметных количествах пирожные и фрукты и были абсолютно счастливы. Несколько раз Оксана ловила на себе полные ненависти взгляды Ирины, но всерьез их не воспринимала: доброжелательностью Маркелова никогда ее не баловала.

– Леня, – Оксана обратилась к Пивоварову, удивляясь, что ей так долго не приходил в голову этот вопрос, – а откуда ты тут взялся? Я тебя у Ирки никогда раньше не видела.

– Наши с Ириной родители в институте вместе учились. А я особенно и не ходил сюда: не люблю я эти тусовки. Сегодня предки битых три часа на ухо зудели: то да се, да друзья обидятся, да у Ирочки фуршет... А я, честно говоря, даже и не знал, что это такое. Ладно, думаю, схожу, а то где я еще фуршет увижу... Так серым и помру! – Леня рассмеялся, а потом вынужден был обернуться – Ирина Маркелова приглашала его на танец.

Леня, виновато покосившись на Оксану, быстро дожевал очередной бутерброд, отряхнул руки и повел Ирину в медленном танце. У Оксаны все ее хорошее настроение моментально испортилось. И чего развеселилась, дурища? Может, Леня и не часто посещал дом Маркеловых, но, видимо, все-таки достаточно. Вон как Ирка виснет у него на шее. Они явно знакомы сто лет. А особые улыбки Пивоварова в свой адрес она, Оксана, наверно, просто придумала.

И вообще, ей сейчас не стоит думать про Леню. У нее есть заботы поважнее. Сегодня вечером или, в крайнем случае, завтра ей придется-таки держать ответ перед родителями по поводу пропавшего золота. Оксана вздохнула. В конце концов, родители ее, конечно, простят, но кончится ли на этом мрачная история с шантажом? Оксана совершенно не была в этом уверена. Получив свои фотографии, она там же, во дворе, порвала их на мелкие кусочки и выбросила в помойку. Но у тех подонков остались негативы. Оксана требовала их ей отдать, так как считала, что заплатила достаточно высокую цену. Главный из троицы, по-прежнему говоря в шарф, пробурчал, что негативы останутся у них на тот случай, если Оксана начнет себя плохо вести.

– Что значит «плохо»? – попыталась уточнить Оксана, но отвечать ей никто и не собирався. Негодяи, как и в прошлый раз, очень спокойно удалились в темноту двора.

Оксана прошла в большую комнату квартиры Маркеловых, где веселились и хохотали взрослые, и шепнула маме, что пойдет домой, поскольку у нее сильно разболелась голова.

Вечер был довольно теплым, безветренным и мягким. Оксана даже расстегнула пальто и размотала шарф. Она сначала хотела сесть в автобус, а потом решила пройти пешком по усыпанным листьями улицам. В свете ярких фонарей они казались ненастоящими, будто вырезанными детьми из цветной бумаги. На выходе из двора Маркеловых Оксану неожиданно догнал Леня Пивоваров.

– Может, погуляем? – спросил он и посмотрел ей в глаза тем самым взглядом, в котором она обычно читала интерес к себе.

Еще несколько дней назад Оксана сочла бы за счастье получить такое предложение от Пивоварова и такой очередной его взгляд, а сегодня призналась ему:

– Знаешь, у меня такие неприятности, что... ничего не хочется. У Ирки я как-то сумела отвлечься... может быть, благодаря тебе... а теперь все снова навалилось и... – не договорив, Оксана безнадежно махнула рукой.

– Может быть, я сумею тебе помочь? – спросил Леня.

- Мне никто не сможет помочь.

- Так не бывает.

- Бывает.

- Из любого положения всегда есть выход. Вдруг я его найду?

Оксана медленно покачала головой, потом подняла на Пивоварова встревоженные глаза и решила спросить:

- Скажи, Леня, как ты думаешь, кто колотит наших ребят?

- Не знаю, - покачал головой удивленный Пивоваров. - А почему ты вдруг об этом вспомнила?

- Так, - опять безнадежно махнула рукой Оксана. - Сама не знаю...

- Вообще-то, меня этот вопрос тоже занимает. Я пытался расспрашивать Феклиста, Сашку Семенова, даже помощь им предлагал. Молчат. Темнят. Ничего не понять. Может, сами виноваты?

- Может быть, - эхом отозвалась Оксана, тут же подумав о том, что в собственных бедах виновата только сама. - Но это точно не «плевки», я уверена.

- Почему?

- Слишком высокие... - сказала Оксана и осеклась, но было уже поздно.

Пивоваров развернул ее к себе за плечо и спросил:

- Ты видела что-то?

- Н-нет... - Оксана запнулась, но потом быстро сообразила, как выкрутиться из положения. - Сашка Юльке рассказывал...

– Что он ей еще рассказывал?

– Да, собственно, ничего такого... Черные куртки, маски... И все...

– А за что получил, не рассказывал?

– Нет. Юлька говорила, что тоже ничего путного от него добиться не смогла.

– Странно все это, – заключил Пивоваров. – Прямо-таки разгул терроризма. Ладно, – он улыбнулся, – не хочешь прогуляться, давай до дома доведу, чтобы никакие «черные куртки» не привязались.

Девушка мысленно усмехнулась.

Они медленно шли по вечернему городу, наступая на цветные листья, и молчали. Оксане не хотелось портить прекрасную прогулку разговорами о своих неприятностях, а ничего другого в голову не лезло. Леня, будто понимая это, деликатно молчал. И молчание не было тягостно для обоих. Время от времени они смотрели друг другу в глаза, улыбались, и Оксане казалось, что она могла бы так идти долго-долго и далеко-далеко, на тот самый знаменитый край света.

У Оксаниного подъезда Пивоваров сказал:

– Любые неприятности когда-нибудь кончаются. Я подожду, – он опять обезоруживающе улыбнулся, – а потом мы, может быть, все-таки погуляем?

– Ладно, – наконец смогла в ответ улыбнуться Оксана и вступила в подъезд, освещенный на удивление ярко. Она с тревогой заглянула в дырочки почтового ящика, не заметила там ничего подозрительного и облегченно вздохнула.

В квартире опять надрывался телефон. Оксана не хотела снимать трубку – вдруг она опять услышит тот мерзкий «шерстяной» голос? – но потом все-таки подошла к аппарату: надо решить все вопросы до прихода родителей.

– Ксанка! – услышала она взволнованный голос Юльки. – Мне тоже пришло письмо!!!

Оксана съехала по стене на пол:

- Тоже с фотографиями?

- Какие фотографии?! - не сразу сообразила подруга, но быстро вспомнила, что имела в виду Оксана. - Нет... просто письмо!

- И что там?

- Угрозы!

- Ты-то в чем провинилась, ангел с крылышками? - Оксана не могла даже представить, по какому поводу можно шантажировать безобидную, беззлобную и добродушную Юльку.

- Нашли в чем... В общем... это не телефонный разговор... Они такое требуют за молчание, такое требуют!!! - в голосе Юльки слышались уже клокочущие истеричные ноты.

- Я сейчас! - испуганно закричала Оксана. - Жди! Ничего без меня не предпринимай!

Она ничего не рассказывала Юльке о том, что откупилась от своих шантажистов папиным золотом: боялась, что та по простоте душевной кому-нибудь проболтается. Оксана просто сказала подруге, что постоянно живет в страхе разоблачения из-за присланных ей фотографий. Глядя на осунувшуюся Оксану, Юлька ей верила.

- И что они требуют? - спросила Оксана, примчавшись к Акимушкиной.

- Ключи, - прошептала Юлька сизыми губами.

- От квартиры?! - испугалась Оксана.

- Нет, от папиной «Волги».

– Не может быть...

– Это так! Ксанка, что же мне делать?!

– Я... я не знаю...

– Имей в виду, – Юлька помахала дрожащим пальцем прямо перед самым носом Оксаны, – с тебя тоже что-нибудь потребуют! Они просто почему-то забыли про тебя или... не успели... но... это временно... вот увидишь! Это одни и те же люди, наверняка. Имей в виду!

– Юль, мы что-нибудь придумаем, но не сейчас, – Оксана бросила тревожный взгляд на часы. – Мне срочно надо бежать домой: хочу до прихода родителей лечь в постель, чтобы они ко мне не вязались, хотя бы сегодня... Надо обо всем подумать... А ты все-таки сама ничего не предпринимай, а то сгоряча еще больше себе напортишь. Обещаешь?

Акимушкина затравленно кивнула.

Взгляд с другой стороны...

На письменном столе веером были разложены маленькие листочки бумаги из тетради в клетку с написанными на них именами и фамилиями.

Та-а-ак! Эти уже получили свое. Надо их положить отдельно. Оксана Величко – отличница, гордая кареглазая красавица. Когда лицо ее выражает презрение, оно делается еще красивее. Он сначала хотел приударить за Оксаной, попытаться влюбить ее в себя, а потом жестоко бросить, но передумал. Похоже, она нравится Пивоварову, а с ним шутки плохи... И вообще, Леню не стоит сердить: он нужен для дела.

Он покрутил листочек с фамилией Пивоварова и отложил в сторону. А к листку с фамилией Оксаны положил другой листок, с именем Сохадзе. Волоокий красавчик-грузин тоже уже получил по заслугам. Мобильник отдал без звука. Видимо, здорово испугался. А ведь раньше он был нагл и бесстрашен. Надо же, как люди меняются со временем! Впрочем, это нормально. Он сам тоже здорово

изменился. Они его даже не могут узнать.

Он положил перед собой оставшиеся три листочка. Так: Максим Литвинов. К Сохадзе его? Макс тогда вообще начал плакать. Прямо смешно, честное слово! Но пейджер тут же отцепил. Оказывается, отнюдь не все меняются: этот всегда был трусом. Противнее всех. Пожалуй, стоит ему добавить, да так, что рикошетом отлетит и в Пивоварова. Листок с фамилией Макса лег в другую сторону – к тем, с кем работа еще не закончена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lubenec_svetlana/esli-vlyubish-sya-molchi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)